

БЕЗУТЕШНАЯ СКОТНИКОВА

Галина Ивановна Скотникова убила своего сожителя. Событие заурядное для наших мест. Ну убила и убила, что здесь особенного? Правда, не каждый день такое бывает, потому и разговоры сразу идут – выясняют люди, за что убила, по делу или нечаянно... Если он пропойца и в огороде ничего не делает, мало того, даже воды не принесёт из колодца, то – да, есть смысл с таким сердечно поговорить...

А он и был такой, сожитель этот. Сама Галина Ивановна жаловалась соседям:

– Скотина он, самая настоящая! Ну ничего по хозяйству делать не хочет, даже гвоздя не вобьёт в стену, только пить и пить!

Сама Галина Ивановна тоже, как говорится, поддавала неплохо. Гулеванисто время проводили и часто в спорах: кто, что, где, когда, чего-то... кому-то... Изменил ли, не изменила?! В пьяных разборках истина никак не выявлялась, наоборот, часто доводила до высокого градуса нетерпимости друг к дружке. Вот и случился страшный инцидент...

Скотникова даже не поняла, как это произошло. С чего всё началось. Но совершала она всю процедуру убийства весьма холодно, расчётливо. Когда приехали следственные органы, то все части тела были аккуратно сложены в му-

сорный мешок, вот только не обнаружилось самого главного – головы. Длительный и изнуряющий допрос обвиняемой так ничего и не дал. Всё осталось загадкой, даже дотошные соседи не могли предположить, куда подевалась голова. Ни в туалете её не нашли, ни в огороде – тот страшно зарос лебедой и крапивой – волки воют, как говорят в таких случаях.

88

На суде Галина Ивановна вела себя несколько странно, обвиняя судей в их нежелании понять её женскую долю и то, что она до сих пор любит своего Коленьку, то есть убиенного ею. А на вопрос, куда делась голова, она лишь плакала и раскачивалась мощным торсом из стороны в стороны, стеная при этом:

– Ну не было у него головы, уважаемые судьи! Ежели б она была, он бы так не вёл себя!

Ну тут, конечно, ещё вопрос последовал ей:

– А как же вёл себя убиенный? По показаниям соседей да и всех жителей села, вы проживали с ним довольно длительное время, а это говорит о том, что вы находили с ним общий язык, тем более всегда ходили с ним под руку. Так что признавайтесь чистосердечно, куда делась голова вашего сожителя? Ведь, судя по опросам свидетелей, голова у него была на месте. Это подтвердила ваша соседка Матрёнина Зоя, она так и сказала, что не будь у него головы, куда бы ваш Коленька заливал спиртное? Смешно, да

не очень. С другой стороны, суду немаловажно знать, что это тело принадлежало именно вашему сожителю, потому как вдруг он уехал, сбежал от вас, а вы в это время завели отношения с другим и могли порешить его.

У Скотниковой после этого помутнел взор, и она закричала истерично всему залу:

– Да не было, не было головы! – потом упала со скамейки и, дергаясь в конвульсиях, хрипела: – Каюсь, каюсь!..

Когда её привели в чувство, похлопав по щекам и дав нюхнуть нашатыря, она вдруг выпрямилась во весь свой могучий рост, выставив далеко вперёд грудь шестого размера, и тихо сказала:

– Я знаю, где голова.

Все затаили дыхание.

– Где же? – спросили.

– А голова всегда на плечах. Ейное место только там.

Когда её сажали в машину скорой помощи, проверить на адекватность поведения, она вдруг запела громко, с надрывом: «А нам всё равно, а нам всё равно! Пусть боимся мы волка и сову!». Потом, показывая руки, большие, натруженные, заплакала:

– Да я этими руками не одну бурёнку выдоила! Вся жисть в коровнике прошла, а вы мне тут с убийством... Да, убила я его и голову отрезала напрочь, не нужна ему такая голова!.. А как я любила его, как любила своего Коленьку! Если б он, проклятый, не пошёл бы к этой вертихвостке Облудиной!..

Не посадили Скотникову. «Неадекват», – сказали, и убийство произошло, разумеется, в состоянии крайнего аффекта, тем более она длительное время провела в психлечебнице, где и выдали справку о невменяемости пациентки. Но на селе таковой её не признавали, потому как она вполне здраво рассуждала, поговаривали, что её пожалели, выдав такую справку. И весь мужской пол, даже пьющие, стали побаиваться Галину Ивановну, её чар в виде высокой и большой груди – вдруг кого-то из них выберет себе в любовники, не устоять ведь!..

Но напрасно побаивались её мужики и бабы, замкнулась Скотникова, ушла в свой мирок – редко с кем заговаривала, да и то лишь о погоде и не пора ли сеять морковь. Когда же морковь уже отсеяли и та выскочила наверх весёлыми изумрудными хвостиками, Галина Ивановна не на шутку забеспокоилась: а не подьедят ли её

снизу шахтёры? Тут, конечно же, как говорится, комментарии излишни...

Слонялась без дела целый день Скотникова. Пройдётся по пустым корпусам бывших коровников (ушло стадо на убой в связи с перестройкой), слезу смахивая заскорузлыми пальцами, посидит у реки с пустым удилицем, вспоминая при этом Коленьку, когда тот в часы редкой трезвости ловил чебака, и так проходил у неё день. А ближе к ночи она выходила в заросший бурьяном огород и, тихо по-собачьи скуля, начинала странную процедуру по окроплению своего участка самогонкой. «Пей, пей, родименький», – приговаривала. Слышно было, как что-то булькало и причмокивало после её слов. Потом она уходила в дом, и на следующую ночь всё повторялось.

По селу поползли слухи, что Скотникова кого-то прячет в огороде, подкармливая и подпавая его, и вскоре по месту её проживания приехали следственные органы и, выстроившись густой цепью, прошлись по запущенному донельзя участку преступницы. А огород был настолько непролазным от дикороса, что некоторые выбрались оттуда без погон и фуражек.

Майор Разбейнос, отряхиваясь от пыльцы конопля и полыни, сказал следующее:

– Мы тут, господа офицеры, навряд ли что найдём, как бы самим не потеряться. Если голова зарыта в огороде, то не перекапывать же весь участок? И к тому же дело уже закрыто, а если там скрывается какой преступник, то рано или поздно он выйдет наружу для совершения преступления. Вот тут мы его и за жабры, господа!..

Уехали органы ни с чем. А ночные похождения Галины Ивановны так и не прекращались, мало того, когда её мучил радикулит и она не могла выйти за порог несколько дней, по ночам в её огороде слышались страшные вопли «Пи-и-ть, пи-и-ть!» и даже грязные ругательства, но последнее, может, кому-то и послышалось, ведь сплетни – на то и сплетни... Болтали вроде, что голова действительно живая и не замолкнет, пока её не пришьют к туловищу. Да ещё пустили слухи, что одного полицейского вроде бы не досчитались после той проверки... Бродит где-то в зарослях и сквернословит, забывая про честь офицерскую. А сама Скотникова спокойно отнеслась к таким перипетиям в её жизни: если там и остался кто-то из органов, то пусть и занимается своим делом – ищет голову, тем более она сама не может определиться с её местонахождением: обрызгает спиртным

сторону её крика – та и умолкает. Кается Галина Ивановна, и, по всему виду, грех её неискупим, потому как любила убиенного ею сожителя Коленьку.

Ещё сельчане подметили, что Скотникова Галина Ивановна стала равнодушной к местной достопримечательности в виде странного памятника, стоящего возле здания местной администрации. Памятник тот был бесхозным и постепенно приходил в негодность. Похоже, он был изваян ещё в годы советской власти, потому как кое-какие элементы прошедшей эпохи в виде серпа и молота в нём проглядывались. Он был выполнен почти в человеческий рост и что-то держал в руках, но это «что-то» давно упало, и никто не помнит, как оно выглядело. Некоторые припоминают, что памятник был поставлен в честь какого-то дважды Героя Социалистического Труда или даже красноармейца, олицетворяющего прошедшее время.

Галина Ивановна поднималась часто на постамент и внимательно разглядывала лицо статуи, временами наглаживая его. Лицо было без носа – отвалился он несколько лет назад, остальные же части лица были целы и выразительны по форме. Она возлагала цветы к подножию памятника, а к весенним праздникам прилепила нос. Он продержался недолго – через неделю отвалился, но реставрация по воссозданию пристойного внешнего вида не прекращалась. Скотникова лепила бесконечное множество носов, и в один прекрасный момент все дружно ахнули: «Да это же её Коленька!.. Ты глянь, один в один! Точно, его шнобель!» – «Какой шнобель – такое и достоинство!» – крикнула старая вертихвостка Облудина. «А за что же мы ещё мужиков любим? – разгорались споры. – За глотку разве?»

Это было большим событием в жизни сельчан, потому как других интересов практически не осталось, разве что «Дом-2» по телевизору...

Все подробности воскрешения этого изваяния бурно обсуждались взрослыми и детьми. Ставший безымянным за долгие годы забвения, памятник вдруг обрёл вторую жизнь, и все озадачились, что же он теперь олицетворяет? Возлагать или не возлагать к подножию монумента цветы?

Собрав сельский сход, глава местной администрации Единый Ростислав Абрамович, накупив густые и широкие, как у Брежнева, брови, высказался кратко и сурово:

– Памятник нужно демонтировать, потому как он основательно похож на убиенного гражданского мужа Скотниковой.

Кто-то из толпы выкрикнул недовольно:

– Памятник этот стоит уже лет пятьдесят, ещё при той власти поставлен этому, как его?.. Граждане, никто не помнит, кому он поставлен был?

Ростислав Абрамович, поковыряв в носу большим пальцем и не поднимая тяжёлого и сурового взгляда, продолжил:

– А раз никто не помнит – демонтировать!

– А может, просто нос отбить и пусть снова стоит? – выкрикнули из толпы.

Галина Ивановна, стоявшая среди них, слушая эти ужасные для неё слова, вдруг кинулась к подножию статуи и, оголив широкий зад, выпятила его в сторону собравшихся:

– А вот этого не видели?! – взвизгнула она и, ловко взобравшись на постамент, обхватила руками статую. – Да я за своего Коленьку любого порешу! Только подойдите, только подойдите!..

И она сжала кулак, потрясая им в сторону толпы. Кому-то померещился в её руке обоюдоострый нож, и сход тут же разбежался по домам, побоявшись навлечь на себя гнев разбушевавшейся дамы, а глава, заскочив в свой кабинет, долго наблюдал сквозь немытое окно, как безутешная Скотникова лобызала памятник, горько при этом рыдая. Ему от страха мерещилось: она гонится за ним с большим кухонным ножом, чтобы лишить самого драгоценного органа – головы, которую, конечно же, не найдут, как и ту, орущую по ночам в заросшем огороде преступницы. Такая участь ему совсем была не по нраву. Ростислав Абрамович ползал на четвереньках, вертя мобильным телефоном во все стороны, ища связь, которая не всегда появлялась в этих краях, а стационарный телефон, так же как свет, был давно отключен за неуплату. Убедившись в тщетности своих потуг по освобождению себя любимого из добровольного заточения, он решил дожидаться темноты.

Вскоре в чёрное, как дёготь, небо выкатилась луна. Она высветила бледным и холодным, как сыворотка, светом фигуру памятника и женщину, лежащую у его ног. Галина Ивановна крепко спала, обнимая сапоги статуи, иногда вздрагивая и что-то бормоча сквозь сон. А мимо осторожными шажками, крадучись, пробирался домой испуганный донельзя глава местной администрации Единый. Ночь была удивительно

90

тиха и светла, как у Куинджи в знаменитой картине, лишь через равные промежутки времени раздавалось мурлыкающее похрапывание спящей Скотниковой, да где-то в кустах слышался лёгкий шорох мышей.

И вдруг тишину разрезал звонкий голос ребёнка – это был писающий с балкона пятилетний мальчик:

– Дядя, вы вор?

Для Ростислава Абрамовича это был, как говорится, гром среди ясного неба. Ему показалось, что с ним разговаривает сам ангел, свесившись с чёрного небосвода.

– Да я, я, я только немного, не больше других. У нас здесь уже всё уворовано до меня, я только две лампочки у себя в кабинете... А, кстати, вы где? С кем я разговариваю?

Мальчик, довершив своё дело, скрипнул балконной дверью:

– Мама, там вор! Он сам сказал!

Глава, осознав всю глупость ситуации, бросился в глухой проулок, разбудив цепных собак, которые на все лады забрехали, словно по эсэмэс передавая друг другу: «У нас непорядок!».

Утро следующего дня не предвещало ничего хорошего... Галина Ивановна, проснувшись, первым делом начала сооружать некоторое подобие временного жилища из еловых и кленовых веток. Закончив, прилепила бумажку: «Голодаю».

Около часа дня к месту происшествия прибыли органы из райцентра во главе с тем же майором Разбейносом. Он долго молчал, оценивая ситуацию.

– В этой акции я вижу и то и другое, – начал он. – Если гражданка Скотникова защищает памятник как символ прошедшей власти, требуя возврата к ней, то здесь дело политическое и чревато самыми нехорошими последствиями для неё. А если она видит в памятнике только своего убиенного ею сожителя, то это её личное дело.

– Так тут вообще тогда ничего не поймёшь! – кто-то сказал из местных. – Если памятник с носом, значит, дело семейное, а если нос отпал, значит, политическое?

Разбейнос, помолчав некоторое время, отмахиваясь веткой от комаров и мошек, пришёл к однозначному выводу.

– Надо срубить советскую символику в виде серпа и молота с постаментов или совсем убрать этот памятник.

– Да, да! Демонтировать! – расхрабрился глава Ростислав Абрамович. – Я уже об этом говорил. А Галине Ивановне необходимо назначить курс лечения, а то совсем распоясалась, понимаешь!..

Решение было одобрено единогласно, и к следующему дню постановили завести единственный в селе бульдозер и снести памятник. А Скотниковой тут же надели смирительную рубашку и повезли в психлечебницу на длительные процедуры.

Ночью никто не спал, всем виделось белое изваяние, которое ходило по ночным улицам и переулкам, громко вздыхая и заглядывая во все дворы, словно ища чего-то. Рассказывают, что оно долго блуждало в огороде Скотниковой и, скорее всего, нашло то, чего долго и упорно искал майор Разбейнос, голову убиенного сожителя Галины Ивановны, потому как после этого душераздирающие вопли «Пи-и-ть, пи-и-ть!» прекратились.

А утром все были чрезвычайно удивлены и поражены: в центре села не оказалось памятника, исчез – остался один постамент с советской символикой, ниже которой была нацарапана надпись: «Я вернусь». Все ломали голову, что она могла обозначать? То ли памятник вернётся вместе с прошедшей эпохой, то ли сама Галина Ивановна, в чём мало кто сомневался, – скучно без неё. Если первое – пусть так, может, бывшая доярка Скотникова вновь будет при деле, надавивая сверх плана энное количество литров молока, глядишь, и в рюмку меньше заглядывать станет, а если второе – то, само собой разумеется... Никто не против – свои же люди...

К обеду у главы администрации затрещал телефон, несмотря на неуплату за пользование связью. Звонил Разбейнос, интересовался: нет ли в селе Скотниковой Галины Ивановны? Сбежала из лечебницы.

– А у нас, нас, нас... – заикаясь, докладывал Единый, – сбежал памятник. Как-как?! Сам, своими ногами! Приезжайте посмотрите отпечатки следов!

– Странно всё это, – трещала простуженно трубка, – возле психлечебницы тоже есть следы примерно шестидесятого размера... Теперь мне всё понятно...

День был жаркий, душный, но где-то на горизонте клубились тёмные кучевые облака с яркими, как вольфрамовая нить накаливания, проблесками молний. Земля давно жаждала влаги.

СТРАШНЕЕ РАКА

Картавый Афиноген Богданович с самого детства внешностью смахивал на чиновника. Подобный феномен учёными до сих пор не изучен и не разгадан. Да что с детства... Такие в момент рождения уже начинают важничать: серьёзные довольно... Бровки насупят, кулачки сжимают, мол, покажу вам кузькину мать! Ну и черты лица, конечно, не как у всех стандартных мальцов, у них нечто такое отпечатывается во внешности, что распознаётся только на уровне подсознания. Вот смотрят на такого и говорят: «О, этот далеко пойдёт!» И, как правило, редко ошибаются в подобных прогнозах.

Афиноген же Богданович, будучи малышом, тоже не давал повода усомниться в своей чиновничьей перспективе. Мало того, что он угадывался внешностью как будущий столоничальник, так ещё и пугал окружающих неожиданными выкриками и, едва научившись произносить кое-какие слова («Ну-ка полози на место! Я тебе как дам!.. Сколько можно теппеть это безобразие?!»), принимал при этом импозантный вид.

Маленький Феня во всём любил порядок: игрушки всегда находились в отведённом для этого месте, мало того, они были выстроены по ранжиру, говоря армейским языком: самая первая фигура, естественно, была самая большая, будь то лошадь или самосвал. Мелкой игрушке, конечно же, отводилось последнее место в этом ряду, которая к тому же оказывалась и менее любимой, уважаемой. Но самое любопытное, что отмечалось родителями, родственниками и гостями, это всегда респектабельный вид серьёзного малыша: он был опрятен, потому как не лез в грязные места, обозначенные ранее взрослыми типа: «Это кака».

Вот так и рос Фенечка, серьёзная и улыбаясь масляно, а последнее вызывало страшное умиление у окружающих, ведь то, что изображалось на его личике, не поддавалось никакому описанию: это был свет, исходящий из самой сути человеческой; но опытный глаз замечал: свет этот – искусственного происхождения. Этот свет обаяния не раз сослужил в будущем ему добрую службу в административной карьере. Но то было впереди, а сейчас маленький уникам рос и развивался в нужном ему направлении, которое, казалось, сама природа старательно прокладывала. «Далеко пойдёт!» – продолжало слышаться...

Когда Фенечке исполнилось пять лет, кто-то в честь этой даты в заздравной речи назвал его по

имени-отчеству, что очень понравилось маленькому юбиляру, и он окончательно заважничал. А когда ему в шутку повесили на шею чёрный узенький галстук, то этот атрибут мужского гардероба навсегда определил его жизненную установку... «Ну вылитый начальник!» – продолжали умиляться все. С тех пор галстук словно прирос к шее маленького Афиногена Богдановича.

Описывать дальнейшее развитие будущего чиновника, включая школьные годы, не имеет смысла, потому как читатель уже догадывается – подрастающее чадо, несомненно, приложит все усилия для овладения «всеми теми богатствами, которое выработало человечество». И оно так и было, лишь одно обстоятельство чуть не подпортило ему карьеру: украл ручку Афиногеша у соседа по парте. Он сам этого не понял даже, спонтанно, что ли, вышло... И самое ведь отвратительное – нашёлся свидетель. Красивая ручка была, заграничная: поверни её – девушка обнажалась внутри, начни писать – одевалась она. Хотели этот инцидент даже на комсомольское собрание вынести, но воришка вернул пишущий инструмент пострадавшему лицу, попросив при этом прощения. Тяготился этим проступком Афиноген. Он и так и сяк анализировал происшедшее, но толком никакого вывода не сделал, напротив – у него появилось стойкое желание что-нибудь украсть, любое, самое маленькое и никчёмное, но украсть... Это желание всегда было для него внутренним потрясением, но бедняга благодаря своему интеллекту и силе воли сдерживал его.

Пролетало время, и наш взрослеющий Афиноген Богданович приспособлялся к жизни как мог: был комсоргом в школе, на предприятии, мастером, замначальника производства... И вся его бурная деятельность на ответственных постах стоила ему больших внутренних напряжений, поскольку нехорошая природная ориентация давала о себе знать. Ему постоянно хотелось что-то взять, хоть мелочь, но утолить эту растущую, к его ужасу, потребность. Первое время он крал с соседского забора моток ржавой проволоки или гвозди, потом, с продвижением по службе, стал брать вещи покрупнее, незаконно списывая офисные кресла, компьютерные клавиатуры и прочее...

Таким вот образом Картавый Афиноген Богданович приводил себя в равновесие, тем более что он видел, как и другие начальники грешат тем же. Другие же ещё и брали взятки. И Карта-

вый мечтал о таких должностях, где могут позолотить ему ручку. Ему во сне приходили видения, как он берёт и берёт деньги – то за продвижение по службе хорошего знакомого, то за наделение земельным участком какого-нибудь олигарха. Олигарх этот отстёгивал и отстёгивал знную сумму в потные руки Афиногена Богдановича, после чего он просыпался, конечно же, расстроенный отсутствием суммы, виденной во сне, но приятное ощущение не покидало его затем по нескольку дней.

Афиноген Картавый применял все свои природные данные, чтобы его заметили и мало-помалу его стали продвигать по службе, а когда он вступил в единственную по тем временам партию, то тут его дарования раскрылись полностью.

Он брал взятки, нисколько не смущаясь. Брал, завидуя тем, кто берёт больше. Достаток его зашкаливал – всё было: личное дорогое авто, поездки на диковинные острова, вкусности всякие из натурального продукта, в то время как другие ели ГМО в красивых упаковках.

Живёт и радуется Афиноген Богданович, улыбается всем своею улыбкой масляной, а где надо и прикрикнет: «А ну-ка положи на место! Я тебе как дам!.. Сколько можно терпеть это безобразие?!». Руки его загребущие так и подрагивают при каждом удобном случае, когда что-нибудь можно хапнуть. И вот тут приключилась у него небольшая на первый взгляд проблема – копчик стал чесаться. Оно вроде бы и пустяк – мало ли где у человека чешется, почесал да и забыл... Так же и у Картавого... делов-то. Почешет он копчик и дальше взятки берёт. Шутил с женой: «Представляешь, дорогая, у меня тут наиважнейшее дело, не требующее отлагательства, – то бумагу подписать надо, то с человеком нужным поручаться, а этот... копчик, язвы его, как зазудится, ха-ха!..»

Смех смехом, но иной раз уже и не до шуток было, потому как этот орган, совершенно ничкёмный, по его понятию, стал всё чаще заявлять о себе, требуя частого почёсывания...

Однажды Афиноген Богданович присутствовал на очень важном приёме у особы, занимавшей большой пост, и когда дело дошло до награждения медалью за трудовые доблести, копчик зачесался так, что у него выступила испарина на плешивой голове. Он сжимал челюсти, борясь с огромным желанием почесать задницу, но копчик свербел страшно, и в тот момент, когда важ-

ная особа приблизилась к нему с медалькой, чтобы приколоть её к лацкану костюма, у Картавого уже не было никаких сил... Афиноген Богданович левой рукой полез по месту требования организма и давай начёсывать оное... А в это время прикалывалась медалька. Высокопоставленная особа заметила, что Афиноген Богданович закатил глаза от удовольствия, что ей понравилось, и заметила другим глазом, как тот чесался в некрасивом месте, что очень не понравилось...

После награждения Картавого не стали приглашать на «великосветские рауты», и его это очень тяготило. Момент награждения показали по телевизору... Правда, потом вырезали этот эпизод из новостей, и он буквально затосковал, переживая за своё продвижение по службе. Оно ведь и понятно, когда к тебе с почестями, а ты в это время... Тяжело, в общем, Афиногену Картавому, да так, что словами не опишешь... Единственная радость была – хапать то, что ещё не растащено, и брать пусть и небольшие, но взятки.

Картавый мало-помалу стал успокаиваться, только вот проклятый копчик... Он стал чесаться всё чаще и чаще. Просто неумогу бывает: и чего он так себя ведёт – буквально по-свински? Ну почесал раз, другой, ну и хватит! Ан нет. Чеши и чеши!

93
Дома он оголял нижнюю часть тела и всматривался в зеркальное отражение. Его супруга подключилась к проблеме. Она хихикала, изучая копчик и находя, что там нет ничего особенного, кроме лёгкого покраснения. Но Афиногеше (так его называла дражайшая половина) было явно не до смеха.

– Это совсем не смешно, дорогая! – восклицал он в сердцах. – Ты только представь, сколько у меня работы, а я только тем и занят, что чешу этот треклятый копчик. Правда, я уже приспособился к этой беде: на планёрке, к примеру, становлюсь к окну и, когда он засвербит, так это ненароком трусь задним местом о подоконник, а сам говорю, говорю... Отвлекаю людей такой манипуляцией.

Супруга взяла лупу и присмотрелась к злополучному месту, но не нашла ничего нового.

– А не сходить ли тебе, Афиногеша, к доктору?

– Дорогая, это мысль, конечно, но, понимаешь, стыдно как-то. Может, оно пройдёт само.

– Давай, я это место буду смазывать чем-нибудь. Ничего серьёзного. Может, какая аллергия или кожное заболевание.

– Кожное, дорогая, это плохо... Не к лицу начальству кожное заболевание.

Неделю мазал он кремами свой копчик, и тот, на радость хозяину, стал меньше чесаться. Зато появилось на том месте лёгкое жжение и покалывание, но это было всё же лучше – руки хоть теперь были свободны. Картавый повеселел, с радостью уходя на работу. «Всё пройдёт, как с белых яблонь дым!» – мурлыкал он себе в большой сизоватый нос.

Он радовался недолго, с неделю, потому как вместо зуда теперь появилась усиливающаяся с каждым днём боль. Картавый не мог понять такой перемены, но считал – авось обойдётся...

Не обошлось. Копчик стал болеть постоянно – прикоснуться было больно, и Афиноген мучительно начал думать о походе к доктору Селиванову. Тот был старым знакомым ещё по партийной работе, трепач высшей марки, не блюл врачебную этику, что являлось определённой неприятностью для Картавого. Но деваться было некуда. «Лучше бы сердце прихватило, что ли, – размышлял он по дороге в поликлинику, – чем это место. Хотя, чёрт с ней, с задницей, ведь это ж не геморрой, в конце концов...»

Селиванов долго рассматривал больное место и всё пожимал плечами.

– Ничего не нахожу серьёзного, – кричал он, разгибаясь, – если только вдруг какая микротрещина... Вы никогда не падали на попу, Афиноген Богданович?

– Ну вы, доктор, рассмешили меня! Не припомню такого случая! – рассмеялся пациент.

– А в детстве вас били по этому месту?

– Ну вы обижаете, доктор, я рос покладистым мальчиком, – приосанился Картавый, – тут даже и говорить нечего! Я был только примером для всех в том возрасте. Да у меня диплом о высшем образовании, как вам известно!

– Ну давайте узкоспециальное образование не будем путать с образованием на вашем копчике, Афиноген Богданович!

– Вы же сказали, что там всё в порядке!

– На копчике имеется что-то вроде опухоли, и я вам настоятельно рекомендую пройти УЗИ. Я не думаю, что там серьёзное что-то, но в любом случае...

УЗИ ничего особого не выявило, что привело и врача и пациента в лёгкое замешательство.

– Но ведь болит! – восклицал пациент.

– Я понимаю и сочувствую, но ничего не могу предложить, как только подождать ещё некоторое время, может, само пройдёт.

– Вы коновал, уважаемый! – хлопнул дверью Картавый.

Боль всё так же терзала бедного чиновника, она и спать не давала, не то что плодотворно работать с посетителями. К Селиванову он идти больше не хотел, а стал искать в интернете похожее заболевание, чтобы разобраться самому с этим наваждением.

В сети обнаружил массу неприятного, когда копчик может болеть из-за защемления нерва, удара или от геморроя, но последним он не страдал, и потому никакого просветления не обнаружилось. Зато любопытные факты о «режущемся хвостике» заставили Афиногена Богдановича вздрогнуть.

Никогда в жизни он не видел человека с хвостом, и это обстоятельство его немного успокоило. «Чушь какая-то! Такого не может быть! А вообще выходит, что копчик – совершенно ненужная вещь, так же как... совесть», – размышлял он.

Каждый день он рассматривал в зеркале больное место и находил, что там появляется всё-таки какое-то образование, твёрдое на ощупь. Супруга тоже очень внимательно изучала странную твердеющую опухоль, надавливая на неё.

Массирование больно место как-то облегчало страдания больно, который уже взял отпуск без содержания, потому как находится с таким заболеванием на ответственном посту было выше его сил. Если раньше Картавый бесконечно чесался, то сейчас он бесконечно гримасничал от боли. Он страдал и всё ждал, когда же всё нормализуется, и не мог поверить в то, что какой-то копчик свяжет его по рукам и ногам. Чувствуя, что процесс затягивается, а опухоль начинает принимать странную форму, Картавый решил вновь посетить эскулапа.

Тот принял его радушно, как будто знал, что пациент обязательно возвратится и что диагноз известен только ему, Селиванову.

Афиноген Богданович, переступая порог, извинился за свою прошлую вспыльчивость, а врач, подозрительно улыбаясь, кивнул в знак прощения головой.

– Ничего, ничего, больные часто бывают несдержанными, – бормотал Селиванов, разглядывая опухоль. – Да, батенька Афиноген Богданович, я подозревал некое... Понимаете ли... – он начал заикаться. – Вам необходимо вновь пройти УЗИ.

– Что, на наличие хвоста решили проверить? – съязвил пациент.

– Хвост, уважаемый Афиноген Богданович, маловероятен, ха-ха!.. Здесь нечто другое, пострашнее, мне кажется.

– А что может быть ещё страшнее? – пыхтел Картавый, натягивая штаны. – Ну разве то, что опухоль не доброкачественная, а злокачественная?! Рак, что ли?

– А может, и страшнее рака, – сказал тихо, под нос себе Селиванов, записывая что-то в карточку.

– Страшнее рака ничего не бывает, – резюмировал больной и, не найдя глазами иконки в кабинете, перекрестился на угол. – У нас в роду двое от рака умерли, царство им небесное, и брат мой старший тоже того...

Когда снимок УЗИ был готов, Селиванов вновь повёл себя не лучшим образом. Он так и не поведал пациенту о диагнозе, а лишь морщился и, казалось, даже ухмылялся слегка, что и отметил Картавый, обозвав его на прощание всё тем же «коновалом».

Через месяц на месте бесформенной опухоли начало прорастать нечто, напоминающее маленькую руку. Картавый был на грани сумасшествия, обнаружив подобное сходство, но супруга успокаивала, убеждала, что ему так кажется, ну мало ли чего померещится человеку от долгих страданий.

А опухоль всё росла, принимая конкретные очертания руки. Вначале с детскую ладонку, но уже, без всякого сомнения, явственно заявляла, что она именно – рука, а не что иное. Это настолько потрясло воображение четы Картавых, что они несколько дней принимали валидол, а больной даже запил на неделю, чего с ним раньше никогда не случалось. Он пил и буянил, гоняя супругу по квартире, потом в изнеможении валился на пол и оставался недвижим до утра, чтобы вновь напиться вдрызг.

Когда Афиноген прекратил беспробудное пьянство, то снова вернулся к тщательному изучению этого феномена. Он не знал, что лучше: хвост или рука? Хвост – атавизм, доставшийся от древних предков, которые бегали на четырёх лапах, а вот третья рука...

А рука всё росла в направлении поясницы, никак не реагируя на приказы мозга. Она была совершенно неуправляема из центра, но хорошо, что и не принимала самостоятельных решений. «Поскольку рука не управляется мозгом, – размышлял Афиноген, – то в принципе это не так уж и страшно, пусть себе покоится в забинтованном виде при теле».

Привыкнув немного к своему новому положению, Афиноген Богданович наконец-то вышел на работу. Третья рука его не беспокоила: супруга накрепко прибинтовала её к пояснице. Внешне Картавый выглядел так же, как и раньше, разве что стал прямее держать туловище, чтобы на поясе ничего не выпячивалось, не бросалось в глаза. Но мысли о руке изматывали несчастного, потому как назначение её было непонятно. До тех пор пока она не заявила о себе довольно странным и вызывающим образом.

...Посетительница была древней бабушкой, просившей немного уголька на зиму. Картавый подписал нужные бумаги, и вдруг его взгляд упал на брошь, приколотую к телогрейке старушки. «Не иначе ещё с царских времён у бабушки, – отметил про себя столоничальник, – такая, наверно, хорошо стоит? А старушка и не подозревает...»

Проводив бабушку до двери, Афиноген Богданович повернулся, а та начала сбивчиво благодарить его да поклоны отвешивать. Он скромничал: «Да не стоит, бабушка, не стоит, наша работа такая – заботиться о старых и немощных». Как вдруг услышал громкий треск разрывающейся на спине материи.

Бабушка уже валялась без чувств на полу, в то время как Афиноген Богданович тоже чуть не упал в обморок, увидев, как его третья рука крепко сжала брошь. Он кое-как набрал мобильный номер супруги, чтобы она скорее прибыла к нему, а секретарше крикнул, чтобы никого не пускала в кабинет.

Супруга примчалась на такси и прибинтовала руку на место, предварительно поборовшись с ней за право обладания брошью. Рука с трудом разжала пальцы, а когда предмет был извлечён из ладони, сразу обмякла.

Старушка, придя в себя, не могла толком понять, что же произошло с ней, но, увидев брошь на том же месте, успокоилась, лишь поглядывала на руки начальника, который был донельзя напуган и бледен лицом.

Вечером того же дня Афиноген Богданович посетил Селиванова, но уже на дому. Тот снова принял его радушно, всё так же хитро щурясь, словно всё знал. Картавый подозревал, что доктор чего-то не договаривает...

Они молчали, долго разглядывая друг друга, словно виделись впервые.

Наконец, после невыносимо долгой паузы, Картавый выдал:

– Так, говоришь, моя болезнь страшнее рака?
– Страшнее, – не мигая и не отводя глаз, отвечал Селиванов.

– А откуда она пошла? Откуда предпосылки? – в упор глядел на него гость, он же пациент.
– От жизни такой, Афиногенушка, от жизни.
– Ты хочешь сказать, что ты чище меня?! Что никогда не брал взятку на месте главврача поликлиники? Что в своё время, будучи комсомольским работником, не прихватизировал весь автопарк больничный, потом же и распродав его?!

– А ты, ты!.. Да я тебя с детства помню, как ты!.. – Селиванов захлёбывался, обнажая весь негатив Картавого. – Да ты и сейчас сволочь!.. Вот!..

– От сволочи слышу! – парировал Афиноген Богданович. – Ты, ты первый взяточник и мздоимец, стяжатель!

– А давай проверим, кто из нас взяточник! – закричал доктор Селиванов, бросая пятитысячную купюру на стол.

Вновь повисла длинная пауза. Глаза мужчин алчно впились в радужную купюру.

– Я не возьму, – сказал Картавый, повернувшись спиной и направляясь к выходу.

– Я тоже не возьму! – сказал Селиванов и демонстративно отвернулся от стола.

Треск разрывающейся материи был ужасен, словно рвали крепкий армейский брезент – так трещали костюмы и бинты, что придерживали руки взяточников. Две руки, вырвавшись из матерчатого плена, крепко вцепились одна в другую, в клочья изорвав радужный бумажный фантик.

– Я же тебе говорил, что это страшнее рака, – задыхался от натуги Селиванов. – Эта рука не слушает команды мозга – она работает от подсознания!..

Ходили слухи, что этих рук долго не могли разнять. Скорая помощь увезла обоих... А после долгих консультаций двум пациентам с третьими руками предложено было их ампутировать, на что они вроде бы согласились... Может, так всё и было, только где гарантия, что руки вновь не отрастут?

